

Константина / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 23 января, 2025

Константина / рассказ КОНСТАНТИНА

От Шабета до Сетифа вы едете, кажется вам, по золотой стране. Хлеба, срезанные высоко, а не под корень, как во Франции, истоптанные стадами, примешивают свою светлую соломенную желтизну к темно-красному цвету почвы, придавая земле теплый и богатый тон старой позолоты.

Сетиф – один из самых безобразных городов, какие только можно видеть.

Потом до самой Константины проезжаешь бесконечными равнинами. Зеленые рощицы, разбросанные там и сям, придают им вид еловой доски, на которой расставлены нюрнбергские игрушечные деревья. Но вот, наконец, чудо-город, город-сказка, Константина, которую, как свернувшийся у ее ног змей, стережет Румель, фантастический Румель, река из поэмы, словно созданная мечтою Данте, река ада, текущая в глубине красной, будто обожженной вечным огнем пропасти. Этот ревнивый и удивительный поток обращает город в остров, окружая его страшной извилистой пропастью с причудливыми и сверкающими скалами, с отвесными зубчатыми стенами.

Самый город, по словам арабов, похож на разостланный бурнус. Они называют его Белад-эль-Хауа – город воздуха, город пропасти, город страстей. Он высится над прелестными долинами, где множество римских развалин, акведуков с гигантскими арками роскошной растительности. Над ним же высятся вершины Мансура и Сиди-Месид.

Константина стоит на скале, охраняемая своим потоком, как королева. Ее прославляет старинная народная поговорка. «Благословляйте, – говорит она обитателям города, – память ваших предков, построивших этот город на скале. Обычно вороны испражняются на людей, здесь же вы испражняетесь на воронов». Многолюдные улицы Константины оживленнее улиц Алжира, они кипят жизнью, по ним то и дело снует самый разнообразный люд:

арабы, кабилы, бискры, мозабиты, негры, закутанные в покрывала мавританские женщины, красные спаги, синие тюркосы, важные кади, блестящие офицеры. Торговцы погоняют ослов, маленьких африканских осликов ростом с собаку, погоняют лошадей, медлительных и величавых верблюдов.

Привет еврейкам Константины! Они прекрасны здесь величавой, строгой и обаятельной красотой. Они проходят скорее задрапированные, чем одетые, в свои яркие ткани, поражая вас несравненным вкусом, умением подобрать тона и подчеркнуть свою красоту. Они ходят с обнаженными по плечо руками – руками, достойными статуй, и смело подставляют их солнцу, как и свои спокойные лица с правильными и чистыми чертами. И само солнце, кажется, не в силах уязвить их гладкую кожу.

Но радость Константины – это прелестное племя девчушек, совсем еще маленьких. Наряженные, как для маскарада, в длинные волочащиеся по земле платья из голубого или красного шелка, с золотыми или серебряными покрывалами на голове, с наведенными дугообразными бровями, с крашеными ногтями, подчас с нататуированными звездами на щеках и на лбу, они идут мелкими шажками за руку с каким-нибудь высоким слугой-арабом и, чувствительные к вызываемому ими восхищению, бросают прохожим смелые и уже манящие взгляды.

Так и кажется, что это какое-то волшебное, сказочное племя, племя маленьких легкомысленных женщин; ведь они, эти девочки, действительно выглядят женщинами – такой вид придает им костюм, уже пробудившееся кокетство, подкрашенные лица. У них зовущий взгляд, как у взрослых; они очаровывают, волнуют и возбуждают, как что-то прелестное и неестественное. Так и кажется, что это пансион десятилетних куртизанок, едва успевших созреть для любви.

Но вот перед нами дворец Хаджи-Ахмеда, один из характернейших, как утверждают, образцов арабской архитектуры. Все путешественники восхваляли его и сравнивали с чертогами из Тысячи и одной ночи.

В нем не было бы ничего исключительного, если бы не внутренние сады, придающие ему красивый восточный характер. И понадобилась бы целая книга, чтобы рассказать о жестокостях, о

казнокрадстве, о всех низостях тех, кто его построил из драгоценных материалов, награбленных, похищенных в богатых жилищах города и окрестностей.

Арабский квартал Константины занимает половину города. Крутые улочки, еще более кривые и узкие, чем улицы Алжира, спускаются до самого края обрыва, на дне которого течет уэд Румель.

Восемь мостов была некогда перекинута через эту пропасть. Шесть из них в настоящее время разрушены. Один только мост, еще воздвигнутый римлянами, может дать представление о том, каким он был раньше. Румель порою исчезает под гигантскими арками, прорытыми им самим. На одной из них и был построен этот мост. Естественный свод, под которым бежит река, имеет в высоту сорок один метр, а толщина его равна восемнадцати метрам; следовательно, фундамент римского сооружения заложен на высоте пятидесяти девяти метров над водой; мост построен в два этажа, с двумя рядами арок, воздвигнутых поверх гигантской арки, созданной самой природой.

В настоящее время для въезда в Константину служит железный мост в один только пролет.

Но пора отправляться в путь, надо ехать в Бон, живописный белый город, напоминающий города французского побережья Средиземного моря.

У пристани Клебер разводит пары. Шесть часов. Когда пароход отчаливает, солнце уже садится там, за пустыней.

И я остаюсь на палубе до наступления ночи, взор мой прикован к земле, которая исчезает в пурпурном облаке, в апофеозе заката, в золотисто-розовом пепле, рассыпанном по широкой лазурной мантии спокойного неба.

* * *

Клебер. – Пароход назван по имени французского генерала (1753 – 1800), одного из полководцев революции XVIII века.

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 4. МП «Аурика», 1994

Перевод Н.Н. Соколовой. Neкаулар